

Управляющий усадьбы Цянь посмотрел на него со сложным выражением. Два лян серебра за худого, слабого гэра, который и работать толком не способен? Совсем с ума сошёл. В уезде Таоли за два лян серебра вполне можно было купить крепкого слугу средних лет. А в деревнях победнее этой суммы хватило бы даже на свадебный выкуп за фулана.

Семья Цянь была в уезде Таоли известной и влиятельной, поэтому управляющий привык считать себя выше остальных и на какого-то молодого парня смотрел с явным пренебрежением. Он был человеком положения и не собирался ронять своё достоинство, препираясь с молокососом из-за какого-то раба. Лишь покосился на Сяо И, убрал обратно четыреста вэней и развернулся, чтобы уйти. К тому же отдать два лян серебра за тощего, как жердь, гэра - этот парень точно ненормальный.

Сяо И слегка приподнял бровь и с улыбкой отступил в сторону, пропуская его.

Линь Мудун осторожно подошёл ближе, во взгляде читались непонимание и сомнение. Сяо И не сводил с него глаз. Линь Мудун глубоко вдохнул, собрал всё своё мужество и тихо спросил:

— Ты... согласен забрать меня домой?

Он затаил дыхание, боясь вновь услышать ответ, который разобьёт его надежду.

Сяо И выглядел немного неловко. В двадцать лет его уже нельзя было назвать неопытным юнцом, однако ни с девушкой, ни с гэрмом он ещё никогда не стоял так близко. Он предупреждающе покосился на Дацияна, который неподалёку с ухмылкой наблюдал за происходящим, и взглядом велел ему отойти подальше.

Сяо И отвёл Линь Мудуна под дерево и серьёзно сказал:

— Лю Мацзы наверняка станет искать тебя. Его брат служит ловчим, так что найти тебя ради мести ему будет несложно. Пока поедешь со мной. В деревне он тебя не найдёт. Когда всё немного уляжется, тогда уже сам решишь, что делать дальше.

О том, чтобы «отплатить собой», он больше не упоминал. Они виделись всего дважды, если он уже сейчас станет подталкивать человека к браку, за кого тогда его самого принимать?

Но, учитывая положение этого гэра, большего Сяо И пока сделать для него не мог.

Линь Мудун немного удивился. Он склонил голову набок, в его глазах читалось недоумение, и он всерьёз задумался над словами Сяо И. Обдумав всё, он больше не колебался. Недавняя решимость одним махом продать себя в рабство рассеялась. Он не хотел становиться чьим-то рабом, а дальше... дальше можно будет решать по мере того, как пойдёт жизнь.

Сяо И сунул ему в руки деньги:

— Про два лян серебра я просто соврал ему. Сегодня у меня с собой столько нет, я только занял у Дацияна восемьсот вэней. Этого хватит, чтобы найти лекаря для твоей бабушки.

Косые лучи закатного солнца медленно скользнули по его лицу и легли на надбровные дуги, делая выражение Сяо И открытым и мягким. Сам он даже не заметил, что, разговаривая с Линь Мудун, стал куда терпеливее обычного.

Линь Мудун медленно кивнул. Кошелёк тяжело лежал в ладони. Раньше ему доводилось видеть и куда большие деньги: когда семья ещё жила хорошо, он даже держал в руках серебряные слитки по двадцать лян. Но почему-то никакие большие суммы не казались ему такими ценными, как эти несколько сотен вэней в руке.

В клинике «Байцао» было многолюдно. Сяо И нёс старушку на спине и быстрым шагом прошёл внутрь, громко прося людей расступиться. Очереди он ждать не стал и первым делом донёс её до лекаря. Линь Мудун не отставал ни на шаг, семена следом так быстро, что едва ли не обгонял Сяо И.

Лекарь велел уложить больную, прощупал пульс, осмотрел её и начал задавать вопросы. Пока никто не обращал внимания, Дациян тихонько вытянул Сяо И за дверь и понизил голос:

— Восемьсот вэней - и ты вот так просто их отдаёшь? Ты ведь не собираешься брать его в фуланы, только хочешь укрыть на время, пока всё не уляжется. Ты хорошо подумал? Для нас, деревенских, лечение - бездонная яма. Много ли у тебя самого накоплено?

Сяо И раздражённо почесал голову, прислонился к дверному косяку и заглянул внутрь. Молодой гэр сидел возле бабушки, весь взгляд его был полон тревоги. Что бы ни велел лекарь, он тут же делал, бегал туда-сюда без единой жалобы.

Сяо И неловко отвёл взгляд, похлопал Дацияна по плечу и сказал:

— Это просто в долг. Он вернёт.

Дациян фыркнул от смеха:

— И чем он тебе вернёт?

Пока они вполголоса разговаривали у двери, Линь Мудун один раз обернулся. Его ресницы дрогнули, и он опустил глаза. Ему хотелось сказать очень многое. Через некоторое время, дождавшись, когда Сяо И и Дациян закончат разговор, он наконец вышел к ним.

— Лекарь сказал, что с бабушкой ничего серьёзного. Просто она слишком долго недоедала и ослабла. Если полмесяца попить отвары, постепенно поправится, — Линь Мудун с облегчением выдохнул. По крайней мере, больших расходов не потребуется.

Сяо И тут же выбросил слова Даяна из головы и с улыбкой посмотрел на Линь Мудуна:

— Главное, что ничего серьёзного. Возьмём несколько свёртков трав, ещё хорошо покормим - постепенно восстановится.

Даян покосился на своего брата, уголок рта дёрнулся, и он едва не рассмеялся. Ещё и «хорошо покормим» - что, зарежет единственную старую курицу в доме ради этого?

Теперь он уже жалел, что вместе с Шуньцзы подбивал брата И читать любовные книжки. Тот, похоже, усвоил все эти нежности и чувства на десять из десяти.

Лицо Линь Мудуна немного смягчилось. Он опустил голову и посмотрел на носки своих башмаков:

— У меня сейчас нет денег. Но потом я обязательно придумаю, как понемногу тебе всё вернуть. Я могу ходить в горы собирать лекарственные травы и продавать их, могу работать. Я точно не позволю тебе остаться в убытке.

Раньше его семья держала аптекарскую лавку, и с детства он многое видел и слышал. Хотя лечить людей и выписывать лекарства не умел, обычные лекарственные травы узнавал и знал несколько простых рецептов.

— Угу, — отозвался Сяо И.

Небо постепенно темнело, и нужно было успеть вернуться в деревню до наступления ночи. Мул не мог тащить слишком большой груз, поэтому Сяо И уложил старушку на телегу, Линь Мудуна посадил сзади, а сам устроился впереди и взялся за вожжи.

Даян немного подумал и решил уступить место старым, слабым и больным, а самому идти обратно пешком. Пусть это и была повозка его семьи, но старушка всё же нуждалась в ней больше.

Линь Мудун сидел в задней части телеги, крепко обхватив себя руками. Вокруг тянулась незнакомая деревенская дорога, косые лучи закатного солнца лениво рассыпались по земле. Они проехали через лес с пожелтевшей листвой, затем миновали маленький мост и текущую под ним речку.

Поначалу человеческого жилья почти не было видно, но постепенно домов становилось всё больше. Вскоре над горизонтом поднялись крыши стоящих рядами соломенных хижин, и деревня появилась перед глазами. По дороге им изредка попадались двое-трое прохожих. Линь Мудун немного робел перед незнакомцами и сразу опускал голову, делая вид, что занят бабушкой: давал ей немного воды, вытирал лицо - так ему удавалось избегать чужих любопытных, удивлённых и изучающих взглядов.

Телега проехала через деревню и добралась до подножия задней горы. Здесь стояло всего два дома, построенных стена к стене у края бамбуковой рощи, а за ними возвышались зелёные горы. Линь Мудуну пришлось высоко задрать подбородок, чтобы разглядеть вершину.

Дом справа принадлежал Сяо И. У входа беспорядочно разрослись сорняки, и лишь узкая каменная дорожка вела к воротам во двор.

— Приехали, — Сяо И спрыгнул с телеги.

Он поднял старушку на спину. Та часто впадала в сон, и Сяо И постарался её не потревожить.

— Ключ лежит под каменной плитой у двери, — обе руки у него были заняты, поэтому он обернулся и велел Линь Мудуну достать ключ самому.

Линь Мудун тут же наклонился и принялся торопливо искать, боясь задержать его хоть на мгновение.

Двор оказался просторным. С западной стороны тянулся ряд крытых соломой навесов, где располагалась кухня. Напротив, с восточной стороны, стояли три комнаты из камня и кирпича: посередине - главная зала, по обе стороны - спальни. В восточном крыле была ещё одна боковая комната, примыкавшая к дровяному сараю, а за стеной сразу угадывался хлев. Планировка была простой и понятной.

Больше во дворе ничего не было.

Линь Мудун незаметно осматривался по сторонам. Деревенский дом совсем не походил на крытые синей черепицей дома в городке, и для него всё здесь было новым, ко всему предстояло привыкать заново.

Сяо И помог перенести старушку в комнату. В боковой спальне как раз стояла небольшая бамбуковая лежанка, которая пришлась очень кстати.

— Глиняный горшок для лекарств стоит под столешницей на кухне. Сначала свари одну порцию для бабушки. Я ненадолго выйду и скоро вернусь, — предупредил Сяо И, затем вернулся в свою комнату, сунул за пазуху несколько медных монет и снова ушёл.

— Хорошо, — Линь Мудун не решался ничего трогать без разрешения и пошёл туда, куда ему указал Сяо И.

Кухня под соломенным навесом была наполовину открытой и совсем не походила на кухни в домах городка. Огниво лежало на очаге. Линь Мудун взял горсть сухого трута и осторожно высек искру. Крохотное пламя с тихим потрескиванием разгорелось. На земле валялись сухие ветки и листья; он переломил несколько, подложил в печь и стал ждать, пока лекарственный

отвар медленно закипит.

Всё вокруг было таким незнакомым. Во дворе не было ни души, стояла тишина. Линь Мудун ощутил прежде неведомое ему сочетание одиночества и покоя. Он свернулся на земле в маленький комочек, а отблески пламени плясали на его лице. Взгляд постепенно оживился. Линь Мудун смотрел на булькающий лекарственный отвар и сам не знал почему, но вдруг вспомнил смутные обрывки прошлого.

Раньше их семье принадлежала клиника семьи Линь в городке Хэси, а через стену от неё находилась лавка, где продавали баоцзы и пампушки. Даже сейчас Линь Мудун хорошо помнил супругов, державших ту лавку. Тётушка Ли была очень доброй и при встрече с людьми всегда улыбалась. Линь Мудун любил вместе с группой гэров-сверстников ходить играть по соседству, а супруги каждый день угощали всю детвору сладкими бобами.

Когда эти двое только поженились, Линь Мудуну было шесть лет - возраст, когда ребёнок уже многое запоминает. Хозяин Чжоу относился к тётушке Ли очень хорошо, даже разговаривал с ней необычайно мягко, настолько хорошо, что родители Линь Мудуна не раз одобрительно цокали языками. Он уже не помнил, в какой именно день проснулся от плача за соседней стеной. В ту ночь гремел гром и лил дождь. Линь Мудуну было ужасно страшно спать одному, поэтому он, всхлипывая и прижимая к груди маленькую подушку, отправился искать родителей, чтобы лечь с ними. Мать долго держала его в объятиях и гладила, пока он наконец не успокоился и не начал прислушиваться к тому, что происходило за стеной.

— Бьёт её, — со вздохом сказал отец.

Мать закрыла сыну уши ладонями:

— Вот скажи, до свадьбы ведь казался таким добрым человеком. Как же выходит, что стоит выпить, и он уже бьёт жену?

— Нарисовать кожу и кости легко, кости трудно, а сердце ещё труднее. По звукам он бьёт всё сильнее. Как бы совсем не убил. Ты оставайся с сыном, а я позову старого Юя, вместе пойдём остановим его...

Что было потом, Линь Мудун уже не помнил: слишком устал и уснул у матери на руках.

С того дня из дома семьи Чжоу всё чаще доносился плач. Иногда Линь Мудун тайком заглядывал туда и видел, как на лице тётушки Ли поверх старых ран появляются новые. Из-за неё он плакал много раз.

Со скрипом отворилась ветхая деревянная калитка. Линь Мудун мгновенно пришёл в себя, а картины прошлого вдруг стали особенно ясными. Теперь во взгляде, которым он смотрел на Сяо И, появилось ещё больше страха и тревоги. Мать говорила, что люди умеют меняться и очень хорошо умеют притворяться.

Он видел, как Сяо И дерётся. Тот был по-настоящему свиреп. Такой сильный мужчина мог бы справиться с сотней таких, как Линь Мудун, а самого его избить так, что он только ревел бы и не осмеливался сопротивляться.

Но восемьсот взней были настоящими. И то, что Сяо И спас его от Лю Мацзы, тоже было настоящим. Поэтому Линь Мудун одновременно доверял ему и всё же оставался настороже. Эти два чувства противоречили друг другу и мучительно переплетались в душе.

Сумеречный свет ложился на деревню, покрывая далёкие зелёные горы и рисовые поля золотистым сиянием. Край неба пылал багрянцем, и расстилавшиеся по осеннему вечернему небу облака были необычайно красивы.

Сяо И был в хорошем настроении. С бамбуковой корзиной в руке он быстро шёл домой; ворота уже показались впереди, и последние несколько шагов он даже ускорил.

Но стоило ему увидеть испуг Линь Мудуна, как радость постепенно померкла.

Сяо И поставил бамбуковую корзину на землю, далеко от Линь Мудуна.

— У Шуньцзы дома оставалось десять яиц, я все купил. Приготовь себе и бабушке яичный крем на пару.

Он заметил, что Линь Мудун его боится, но совершенно не понимал почему и лишь недоумевал.

В это время года яйца были дорогой редкостью. Раньше, в городке Хэси, когда Линь Мудун ходил с матерью покупать продукты, одно яйцо стоило три вэня. Он немного растрогался, кивнул и уже открыл рот, собираясь что-то сказать.

Но Сяо И тут же продолжил:

— Я пойду к Даяну. Ты спокойно располагайся здесь и ни о чём больше не думай.

Линь Мудун так и застыл на месте. Вообще-то он хотел приготовить еду для Сяо И, но тот уже ушёл. Линь Мудун принёс яйца на кухню. Он ещё плохо здесь ориентировался и лишь после долгих поисков нашёл несколько чашек.

Приправ в шкафу почти не было, только соль да половина тазика свиного жира. Сразу было видно, что Сяо И готовить не умеет. К свиному жиру Линь Мудун ни за что не осмелился бы притронуться и лишь осторожно приготовил на пару два яйца для бабушки, не добавив ни масла, ни соли.

Кроме этого, в доме оставалось ещё полкувшина смешанной муки. Линь Мудун держался за живот - от голода уже темнело в глазах, но и эту муку он не смел брать без разрешения.

В конце концов его взгляд остановился на связке диких овощей. Линь Мудун прищурился и улыбнулся. Теперь было чем набить живот.

<http://bllate.org/book/19002/1908066>